

ОБОДЗИНСКИЙ—РАЗ, ОБОДЗИНСКИЙ—ДВА...

«Мы прекрасно понимаем, что вы нам дарите свой свободный вечер, и поэтому постараемся испортить его не сразу, а постепенно».

[Реплика конференсье на одном из концертов].

Эстрадные певцы, песенные кумиры! Они приезжают и уезжают. А мы остаемся. Во власти впечатлений от их концертов и в надежде на то, что кто-нибудь из них появится снова.

Запомнилось мне одно выступление певца Валерия Ободзинского. Студенты Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина договорились с ним и сопровождающим его эстрадным оркестром о концерте в актовом зале БГУ. Билеты разошлись вмиг.

«Вот и свела судьба нас»... Сколько раз мы слушали его по радио, смотрели на телеэкранах, крутили его пластинки. С чем же пришел В. Ободзинский к студентам? Во-первых, с опозданием. На полчаса. И потому решили сделать концерт без антракта. Ведь певцу надо торопиться, чтобы через два часа предстать перед новыми слушателями. И во-вторых, конечно, Ободзинский пришел к нам с песней. А песня, если она от сердца, если она с чувством, всегда найдет отклик у слушателя. Впрочем, это само собой разумеется. Но поди попробуй найти чувства, если артист попадает с одного концерта на другой, буквально, не успев отдышаться. Он просто затянут в водоворот выступлений: радио, телевидение, сцена, запись на пластинки. И певец уже не поет, даже не работает. Он—халтурит.

А мы наблюдаем, пытаемся слушать всерьез. Вот Ободзинский бодренько пропел «Ребята 70-й широты», кое-как вымучил «Русское поле»...

Концерт продолжается. Ободзинский все время на сцене. Изредка он убегает за кулисы. Может быть, он даже смахивает капли пота. В самом деле, вести полуторачасовую программу из одних только хороших и хорошо исполняемых песен трудно да-

же очень большому певцу. Но Ободзинскому все это нипочем. Он великодушно предлагает.

— Присылайте записки, я буду петь все, что вы захотите.

И он пел. Все на один лад и один манер. И даже те песни, что совсем не в его манере, он «обогастил» рыдающими нюансами, глубокомысленными намеками на шекспировские страсти, профессиональней тоской по большим и красивым чувствам. И кое-кому, быть может, начинало казаться что «эти глаза напротив» действительно обладают магической, прямо-таки нечеловеческой силой, и «воли супротив» проникает в душу щекочущая «сентиментальность и грусть». А мне вот не повезло разобраться в своих эмоциях. Чувствую, что что-то чувствую, а что — не пойму. Может быть, потому, что и сам певец не утруждал себя глубоким проникновением в песню. Зато он позаботился о внешней эффектности.

В последнее время любители эстрады уже привыкли ко всевозможному трюкачеству артистов. Бывает, что солист выходит на сцену через зал, чуть ли не из буфета. Или чаще поет прямо в зале, да еще опустившись на колени—ниже-то опуститься уже некуда. Боюсь, скоро зрители будут восседать во время концерта прямо на сцене, а артисты — выступать перед ними в зале.

...Не мудрствуя лукаво, Ободзинский решил пойти проторенным путем. Вот он высвобождает шнур подлиннее и идет по ступенькам в зал. При этом поет. В первом ряду заметил девушку. Подошел, опустился на колени:

— Быть может, мне ты скажешь «да»?

Девушка опускает глаза и краснеет, где-то в последнем ряду восхищенно ойкают.

А в общем-то, становится неловко. За себя, за девушку, за певца, с которым действительно «что-то случилось»...

Н. ИЛЮШЕНКО.